

Технологии трансляции бытового обрядового фольклора в устных женских рассказах брестского региона

Сенькевич Т.В.

Учреждение образования «Брестский государственный
университет имени А.С. Пушкина», Брест

Стратегии и тактики общения нарратора и реципиента (на примере устных женских рассказов Брестчины) в контексте изучения его пространства являются актуальной проблемой современной науки о фольклоре, в том числе через призму особенностей определённого региона.

Цель данной статьи — выявление приоритетных ситуативных стратегий и тактик, наиболее распространённых технологий трансляции соответствующих текстов свадебных, родильно-крестильных обрядов в процессе изменения культурно-исторических и коммуникативных условий.

Материал и методы. Эмпирическую базу составили материалы архива студенческой научно-исследовательской лаборатории «Фольклор и краеведение», а также устные женские нарративы, собранные обучающимися филологического факультета Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина в период учебных фольклорной и диалектологической практик в 2023–2024 годах. Основными методами, с помощью которых проводилось исследование, являются синхронно-описательный, сравнительно-исторический, функционально-структуральный метод П.Г. Богатырёва.

Результаты и их обсуждение. Проведённое исследование позволило установить, что в пространстве общения нарратора устных женских рассказов и реципиента Брестчины наиболее востребованной и эффективной является диалоговая (О.С. Иссерс) или диалогическая (Е.Н. Рогов) стратегия, построенная на равноправных (без отсылки к социальному статусу, образованию, культуре, авторитетному мнению других, гендеру и пр.) отношениях собеседников, создании комфортной, доверительной психологической атмосферы и др.

Заключение. Таким образом, коммуникативные стратегии достигают цели при умелом владении тактиками речевого общения, что определяют, в том числе и «коммуникативные сигналы, средства диалогической регуляции» (А.А. Романов). Анализ эмпирического материала показал, что в речевом пространстве «нарратор–реципиент» активно были задействованы такие средства диалогической регуляции, как вводные слова, междометия, вопросы, переспросы, слова-предложения «да» и «нет», лаконичные комментарии, «реплики в сторону», оценочные суждения, т.е. то, что позволяет получить адресату максимум информации, продемонстрировать свою заинтересованность в диалоге и регулировать общение, направить его в нужное для адресата русло. Результаты исследования позволяют определить перспективные направления исследований через призму историко-культурного и гендерного аспектов.

Ключевые слова: экспликация, нарратор, ситуативные стратегии и тактики, технологии трансляции, свадебные, родильно-крестильные обряды, обычаи, коммуникативные условия.

(Ученые записки. — 2025. — Том 42. — С. 96–100)

Technologies for Transmitting Everyday Rite Folklore in Oral Women's Storytelling in Brest Region

Senkevich T.V.

Education Establishment "Brest State A.S. Pushkin University", Brest

The strategies and tactics of communication between the narrator and the recipient (on the example of oral women's stories from Brest Region) in the context of studying its space are a pressing issue in contemporary folklore studies, including particular region's characteristics.

The purpose of the article is to identify prime situational strategies and tactics, as well as the most common technologies for transmitting relevant texts of wedding, birth, and baptismal rituals in the process of changing cultural, historical, and communicative conditions.

Material and methods. The empirical base consists of archival materials of the student research laboratory "Folklore and Local Studies", as well as oral women's stories collected by students of the Philological Faculty of Brest State A.S. Pushkin University during their folklore and dialectology training in 2023–2024. The primary methods used in the study were synchronic and descriptive, comparative and historical, and P.G. Bogatyrev's functional and structural methods.

Адрес для корреспонденции: e-mail: literas2006@mail.ru — Т.В. Сенькевич

Findings and their discussion. The research allowed us to establish that the most popular and effective strategy in the communication space between the narrator of oral women's stories and the recipient of Brest Region is a dialogue (O.S. Issers) or dialogic (E.N. Rogov) one, based on equal (with no reference to social status, education, culture, authoritative opinion of others, gender, etc.) relations of interlocutors, the comfortable, trusting psychological atmosphere, etc.

Conclusion. Thus, communicative strategies achieve their goals with the help of skillful mastery of verbal communication tactics, which determine, among other things, "communicative signals, means of dialogic regulation" (A.A. Romanov). The analysis of the empirical material showed that in the "narrator-recipient" communication space, such means of dialogic regulation as introductory words, interjections, questions, repeated questions, "yes" and "no" sentences, laconic comments, "remarks aside" and evaluative judgments were actively used. These tactics allow the recipient to obtain maximum information, demonstrate interest in the dialogue, and regulate communication, directing it in the required direction. The study results allow us to identify promising research directions through the lens of historical, cultural, and gender aspects.

Key words: explication, narrator, situational strategies and tactics, transmitting technologies, wedding, birth, and baptismal rites, customs, communication conditions.

(Scientific notes. — 2025. — Vol. 42. — P. 96–100)

Любая коммуникативная ситуация предполагает достижение поставленной цели коммуникантом(тами). Важно понимать, что стратегии и тактики в пространстве общения могут корректироваться, так как коммуникация — процесс активного взаимодействия, иногда спонтанный, порой не прогнозируемый, ситуативный, не исключающий резких изменений прежде всего в диалоге (полилоге) коммуникантов: «В самом общем смысле речевая стратегия включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию плана общения» [1, с. 54]. Когнитивный подход лежит и в основе определения О.С. Иссерс речевой тактики: «Речевая тактика — это одно или несколько действий, способствующие реализации стратегии. Они связаны между собой как "род и вид" [1, с. 111]. Средства, способы и приёмы достижения поставленной в процессе коммуникации цели представляют собой различные вариативные тактики. Как правило, общение «нарратор–реципиент» носит кратковременный характер, его продолжительность не измеряется днями и даже часами, а потому представитель молодого поколения приобретает бесценный опыт в умении определить стратегии и тактики коммуникации, что в дальнейшем позволит ему добиваться успехов в данном виде деятельности, прежде всего в профессиональной сфере. Чаще всего информанты и реципиенты впервые встречаются в ситуации речевого общения, потому реципиенту необходимо создать доверительную атмосферу, расположить к себе нарратора. Нельзя игнорировать и гендерный фактор, когда в роли реципиента выступает юноша, а устный рассказ информанта содержит личные, часто интимные детали, подробности, например, родильно-крестильных обрядов. Установление межпоколенческого диалога — ещё одна непростая задача, поскольку нарратор в несколько раз старше реципиента.

Богатую и развёрнутую типологию речевых стратегий предлагает О.С. Иссерс, рассматривая их в различных аспектах: степень «глобальности» (общие и частные), функции (основные и вспомогательные). В свою очередь основные и вспомогательные стратегии также

делятся на когнитивные и семантические — основные; прагматические, диалоговые и риторические — вспомогательные. Эмоционально-настраивающие тактики прагматической стратегии предполагают, по мнению О.С. Иссерс, комплимент и похвалу, что немаловажно при установлении доверия между информантом и реципиентом. Диалоговый тип речевой стратегии позволяет выявить инициативу каждого из субъектов речевого общения и определить тактические приёмы, которые они используют. Е.Н. Рогов в зависимости от целей межличностного диалога выделяет три стратегии (императивная, манипулятивная, диалогическая) [2]. Диалогическая предполагает, по его мнению, равноправное «субъект–субъектное» общение, направленное и на самопознание, и на познание своего собеседника (партнёра), что влечёт за собой соблюдение определённых правил: уважительное отношение друг к другу, доверие, психологический настрой на актуальное психологическое состояние собеседника и свое собственное по принципу «здесь и теперь», и др.

Цель данной статьи — выявление приоритетных ситуативных стратегий и тактик, наиболее распространённых технологий трансляции соответствующих текстов свадебных, родильно-крестильных обрядов в процессе изменения культурно-исторических и коммуникативных условий.

Материал и методы. Материалом для наблюдений послужили архив студенческой научно-исследовательской лаборатории «Фольклор и краеведение», а также устные женские нарративы, собранные обучающимися филологического факультета Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина в период учебных фольклорной и диалектологической практик в 2023, 2024 годах. Основными методами, с помощью которых проводилось исследование, являются синхронно-описательный, включающий приёмы анализа, интерпретации, систематизации, обобщения, сравнительно-исторический метод, функционально-структуральный метод П.Г. Богатырёва.

Установлено, что свадебный обряд в разных регионах Брестчины характеризуется яркостью красок, масовым характером проведения, общей атмосферой радости и счастья.

В устном нарративе о свадебном обряде Галины Кирилловны Сеньковец, 11.11.1948 г.р., жительницы д. Белоуша Столинского района, белоруски, православной, окончила 8 классов, работала дояркой, прежде всего подчёркивается разница между прошлым и современной действительностью: «*Ой, веселле... Колісь было не то шо зарэ*». И главное отличие заключалось в том, что «*тоды было всё своё*». Четырежды в лаконичном рассказе, в котором дано описание традиционного стола, угощения на свадьбе, повторяется «*всё своё*»: «*Мясо ставілі. Салтысон робілі. Сыры всякіе з печы вягвалі. Холодзец. Боршч. Кашу. Сметану бралі, цэлымі флягамі куплялі, бо тоды вона дзешэва была та сметана. Куплялі да й ставлялі на столы. Да й шчэ поедуць у Львоў ці ў Вільнюс. Да коўбасы купляць. І ўсё. Большч нічога такога не было. Не прыдумлялі. Ну, шчэ свого котелата спечэши, сырнікі этые. Бо молоко своё, корова была. Да всё своё было. То робілі гэты. А так...*». При этом не говорится о тяжёлых послевоенных десятилетиях, о продовольственном (и не только) дефиците. Воспоминания нарратора о своей свадьбе (1968 год) содержат и информацию о приданом: «*Прыданое... Грошы тоды не давалі, як яшла замуж. А тоды бацько корову мне подорыў, маці свіню. Свіня веліка да зразу закололі. Корова была. Дзержалі ўжэ ту корову доўго, шо бацько даў. Шкафа бацько даў, цюлі. Зарэ ўжэ як ідзе молада, то ўжэ не вешаюць тые цюлі, нішто... Раньшэ то ковра того на сцену, то ложка. Цепер ўжэ шчо...*».

Установлено, что иллюкутивная сила речевого акта в этом примере достигается несколькими способами и средствами. От вопроса о приданом реципиент переходит, на первый взгляд, к частному, но достаточно личному, даже интимному, моменту — платьё и фата невесты, понимая, что данный атрибут характеризует и моду того времени, и эстетический вкус невесты, и достаток семьи: «*Плацьё дліне... І не то шо так...*». Вторая фраза призвана подчеркнуть, что оно, платьё, было каким-то особенным, небанальным (прежде всего для самой невесты), не просто длинным. Фигура умолчания передает волнение информанта от нахлынувших воспоминаний. Информация о венке на голове («*От веноч быў сплечены з ромашок, ці шэ з чога там...*») прокомментирована жестом («*Отоково быў*») (абводзіць вакол галавы)). И завершает фрагмент устного нарратива фраза, свидетельствующая о том, что информант знаком и с современным свадебным убранством невест, но оно явно не впечатляет, потому комментарий отсутствует, звучит безэмоциональная констатация: «*Зарэ ўжэ молада носіць коротку фату*».

Устное общение характеризуется спонтанностью, необратимостью, вариативностью и др., поэтому необходимо учитывать эти и другие факторы при выработке коммуникативных стратегий и тактик.

Определено, что старшее, довоенное, поколение женщин-нарраторов в речевом общении активно переключается с прошлого на настоящее, акцентирует внимание прежде всего на бытовой стороне, на благополучии, финансовой, материальной составляющих жизни

семьи. Подобная спонтанность, непрогнозируемость речевого общения объясняются и желанием продемонстрировать реципиенту определённую сложность обстоятельств. В то же время имплицитно проявляется и некоторая ностальгия по прошедшему, поскольку мысленно ретроспективно нарратор переживает и воспоминания о светлых сторонах того времени, о своей молодости, в которой было и немало счастливых моментов.

Выяснено, что диалоговая (О.С. Иссерс) стратегия, которой отдаёт предпочтение реципиент в речевом общении с Г.К. Сеньковец, эффективна благодаря используемым тактикам, регулятивам: междометия, вопросы, переспросы, слова-предложения «да» и «нет», комментарий, оценочные суждения (по А.А. Романову). Наблюдая, что описание свадебного обряда нарратор начинает с рассказа об угощении, традиционном свадебном столе на Столинщине, адресат тактично через информацию об исполняемых на свадьбе песнях, приданом, наряде невесты, корректирует направление речевого общения к сложившемуся на протяжении долгой истории сценарию. Поскольку адресант увлечён (в устном рассказе много эмоционально ярких деталей), реципиент не лишает его инициативы продолжать в русле выбранной Г.К. Сеньковец коммуникативной стратегии: нарратив о первых днях свадьбы, в том числе и потому, что с ними связана материальная и финансовая стороны дальнейшей жизни молодожёнов, подарки родным, передача всех подаренных денег свекрови («*...подарылі моладой тые грошы, подержала і сразу отдала свекрусі. Бо тоды ба еке было право. Свекрусі отдаваць грошы. Усё. Вона забрала. А мы осталіса так...*»; «*Да добрэ, шчо мужык бы робіў. Да хоч ідзі до мацеры по тые грошы, купіць шчо-нібудзь. Да потом получиў получку, да шчэ ее отдаў вон мацеры. Это таке было поведзёне колісь: отдаеш мацеры ўсе грошы. Вон сорок рублей оставіў бы ўжэ себе, а тэ ўсе мацеры отдаў*»). «Выход» за свадебный «сценарий» неслучаен, он позволяет нарратору обозначить возможность не просто существовать, а достойно жить, когда у семьи было крепкое хозяйство, домашний скот («*Да і свіня кололі. Да не одну. І цялята кололі. Велікіе ж цялята годовалі на мясо. Бо мо сын будзе жэніцца ці дочка выходзіць замуж да годовалі. Хозяйство веліке было. Да заколеш двое свіней, зарэжэш цяля, да не то шо цяля, быка счытай. Да і хватало. Да і молоко своё было, сыры робілі. Сметану бралі бетонамі і з'едалі. А вона была густа, шо рэмень та сметана*»), а главное — присущее молодым людям трудолюбие и оптимизм.

Нарратор настолько серьёзно погружается в пространство речевого общения, что самостоятельно определяет его вектор и по дням воссоздает свадебный обряд, переходит к периодам, в которые в соответствии с церковным календарем нельзя было праздновать свадьбу, к возрасту молодых, к правилам, которые жених и невеста не могли нарушить во время столь важного для них события.

Устный нарратив Татьяны Филипповны Пушко, 1934 г.р., родилась в д. Жагалы Пружанского района,

после замужества переехала в д. Оранчицы этого же района, белоруски, православной, посвящён украшению свадебного караваия. Благодаря эмоциональности, ярким образам-символам, которые сулят семейное счастье и благополучие (роза («...роза посрэдзіне ставілася роза, каб жыць была такая ўжо як роза»); голуби («голубкі для того, каб воны так жылі і такія прэданыя былі, как голубы»); виноград («віноград для того ставілі тожэ на гэтым, для того каб жыць была сладкая, як віноград»)), нарратор создаёт живописную картину. Семантику каждого символа она поясняет, но в какой-то момент признаётся, что забыла отдельные детали: «От бачыш я ўжо забыла, на чатыры часці і тут ешчы штосьці і ешчы», но «включается» и продолжает: «тут віноград». И в этом случае речевое общение свободное, доверительное, что создаётся совместными усилиями адресанта и адресата. Это проявляется, в том числе, и в обращении к реципиенту: «От бачыш...», как обычно обращаются к своим близким.

Речевое общение реципиента с нарратором Марией Павловной Кулик, 06.06.1937 г.р., уроженкой д. Хомичицы Дрогичинского района, после замужества переехала в д. Осиповичи этого же района, белоруской, православной, осложнено, что связано с плохим слухом адресанта. Устный рассказ М.П. Кулик о знакомстве с будущим мужем Степаном — своего рода микросюжет для короткометражного фильма, в котором есть и проявившаяся симпатия молодых людей друг к другу, и девичье коварство, и поддержка Марии со стороны парня, т.е. то, что и предопределило их будущую совместную жизнь. Информант хорошо помнит имена своих приятельниц, подруг, но признаётся, что не может восстановить отрезки, фрагменты определённого свадебного обряда (запоины): «Мусыць ны вспомытаю, шчо говорылы. Шось куплеты ідэмо. Чы як? Чы у вас е шо продаты? Забуваю, ны вспомытаю. ...А ўжэ зары вжэ такая голова да і всё». В данном случае адресат применил один из регулятивов — косвенное информирование: «Ну, спачатку ж да свадзьбы былі запоины, а як яны праходзілі?».

Нарратор Ева Петровна Апанович, 1930 г.р., уроженка д. Сметаничи Гомельской области, жительница д. Белоуша Столинского района с 1952 года, белоруска, православная, работала учителем в начальных классах, использует нисходящую градацию: от восторга-восхищения («О... Сколько свадзьбоў было... По сем-восем каждую недзелю») до огорчения-разочарования, сожаления («А цепер ні одной свадзьбы... Ужас...»). Начальной и конечной точками фрагмента стали служащее для выражения эмоций междометие *О* и существительное *ужас*. Данный отрывок имеет более глубокую экспликацию: это и констатация старения, умирания современной деревни, оттока в город молодёжи, и как следствие — частичная утрата традиций.

Пространство речевого общения, ситуативные стратегии и тактики, технологии трансляции соответствующих текстов родильно-крестильных обрядов исследованы в процессе изменения культурно-исторических

и коммуникативных условий на примере представителей довоенного (1937) и послевоенного (1950, 1953, 1976) поколений.

Одним из важнейших родильно-крестильных обрядов является крещение новорождённого. Предельно лаконично, без детализации об этом важном событии говорит Мария Павловна Кулик, 06.06.1937 г.р., уроженка д. Хомичицы Дрогичинского района, после замужества переехала в д. Осиповичи этого же района, белоруска, православная. Основной частью речи в её устном нарративе является глагол, что придаёт динамичность повествованию: «Прыйдучь люды до хаты, і ўжо збыраюця кумы і поіхалы в церковь і охрыстылы, прывызлы і ўжэ за стыл сядают і гуляють тоді». Важно, по мнению информанта, уточнение: «до дома батюшка ны прыедзеў».

Особого внимания заслуживает выбор кума и кумы. И здесь, как указывает М.П. Кулик, были возможны варианты: «Ну, ўсяк, хто падруг сваіх, а хто сёструв»; «З свэі родні бралы, чы з мужыковыі родні, чы с свэі с одного дівчынку за куму, з другога роду хлопчыка».

В устном нарративе представительницы первого послевоенного десятилетия Лилии Леонидовны Гайчук, 02.11.1950 г.р., жительницы д. Именин Дрогичинского района, белоруски, православной, акцентируется внимание на семантике номинации «повитуха» и её отличие от «бабуля». Со слов Л.Л. Гайчук, повитуха была раньше (без уточнения времени), сейчас это «проста бабуля, у каторай хароша трэба шоб была хороша судьба, шоб вот она была достойна. Бабуля, катора перва купае младенца». У информанта есть и пояснение, таким образом она упреждает закономерный вопрос реципиента (современных девушки или юноши), в чём отличие между повитухой и бабулей. Развёрнутый комментарий помогает понять роль этой ключевой фигуры не только в обряде крещения, но и в последующей судьбе младенца. Ритуал, связанный с бабкой (повитухой), обрисован ярко, красочно, в деталях, с пояснениями, демонстрирует хорошее знание нарратором важного этапа в жизни ребёнка и причастных к этому обряду людей: «Бо раншэ повітухі, а зарэ ж ну хто там дома родыть, одын раз на тысячу можэ хто нэ дойдэ, вот і эта бабуля катора купае, ну там тожэ свуй обряд, вона там травкі добавляе, молітва естэственна, кладут гэты кніжкі, шоб воно розумнэ було под ванночку і всякі прыгаворкі гаворат, і вот эта бабуля, потом када вжэ хрысцяць дытыну, она знов яго купае як перед крiценiем і на хрыстынах ана там самое главное действующее лицо, іі садылы в брiчку ў нас, клалі в тую брiчку полiна, тый полiна застылалі постылкiю, шоб баба, еслi пройдэ iспытанiе, вот она на гэтых полiнах, гэто ж очень не удобно, оны ж там нэ зложэны, а абы-як лыжат, вот она по всёму сiлы ійдэ, угоцае, расказвае шо ў ee вот такое внученя родылося, вот і она прыходыт такое iспытанiе на гэтых полiнах, еі потом прывозят назад і выкочуют з брычкi шоб вона вот прокотылася, вот она прыходыт цiла iспытанiе радi своего внученята. I всё село знало, як хто родывся, як зваты і за ёго

здоровье пыли». Завершает нарратив концовка, которая по содержанию и форме близка к сказочной: «Пылы, ілы, хто шо. Хто п'е, той п'е, хто не п'е, той канфету з'іць».

Мария Васильевна Мелюх практически ровесница Л.Л. Гайчук: 14.08.1953 г.р., жительница д. Озерница Лунинецкого района, белоруска, православная. В нарративе имплицитно присутствует неуверенность, сомнение информанта об обряде, что выражено уже в первых фразах: «Ну вот обряд хрышчэня как проходзіл... Ну обрад, сам обрад і хрэсьбіны это на pewno одно і тоеж ілі разное». Её будто смущает сама форма монолога, она будто ждёт «подключения» другого собеседника, реципиента, который бы помог разобраться в этом обряде, что объясняет сама М.В. Мелюх: «Ну, вот пры мне, кода я жыла ф шэцідзісятыя годы ўжэ до этого, пры савецкой власці этой, ну, особенно так это не-не, не особо распраспраняло, но ф дзірэвнях крысцілі дзіцей, крысцілі фсех і... і цыталос это надо... не надо там было ждаць, как это скоко прошло времени много, а сразу после рождзения...». В её нарративе отсутствует описание самого обряда крещения, есть только повествование о способах решения проблемы крещения ребенка в советские атеистические времена: «Ілі поп вот в нашэй... в нашэй дзірэвне, дзе я була, дзе я вырасла, вот, цэркві не было своей. Ілі крысцілі, можна было ілі весці туды, еслі кто, у ково было чэм весці, ну, у другую царкву і там покрэсціць, ілі поп прыежал, бывае, вот прыглашаюць попу, і он перад какім-то празніком, да к Пасхе прыурочывалі это во само ілі ішо к какому-то празніку. Поп прыежал в дзірэвно, і там выбіралі дом какой-то, там, дзе веруічыце в основном такіе людзі, которые часто посіцаюць цэркоў, вот. І туды прыносілі дзіцей, вот». В настоящее время М.В. Мелюх проживает в г. Лунинец. К сожалению, отсутствуют сведения о времени переезда её в город. Можно предположить, что нарратив М.В. Мелюх — воспоминания о детстве (1960-е годы), дальнейшая жизнь связана с городом, потому и нет описания самого обряда крещения. Кроме того, сама информант не говорит о том, как в её семье относились к данному обряду, крестили ли её в детстве, что можно объяснить, в том числе, и отголоском времени, когда об отношении к вере, церкви было не принято говорить.

Инна Анатольевна Веремей, 14.08.1976 г.р., д. Пешки, Березовский район, белоруска, православная, отвечая на вопрос: «Что вы знаете про обряд “Крещение ребёнка”?», не обращается к своему детству, к воспоминаниям матери, бабушки, а иллюстрирует данный обряд на примере крещения своего внука Ивана. Нарратив предельно логичен, последователен, без излишних деталей, только порядок действий всех заинтересованных в данном событии. Ключевая часть речи — глагол, который и позволяет реализовать принцип динамичности, придающий движение, определённую энергию визуальной картине, композиции: **Покупаеца** (одежда) — ребёнка **привозят** — батюшка **называет** время — **приезжают** крестные — **приезжают** другие родственники —

приезжаем раньше, шоб ребёнка **подготовить, переодеть** — **приходит** батюшка — **начинает читать** молитву — крестные родители **берут** младенца — батюшка **окунает** в чан с водой — **крестит** ребёнка в этом уже миру — праздничное застолье **организуется** — **едут** за праздничный стол — **гуляют, пьют**. В нарративе есть только одна отсылка к прошлому, при этом не уточняется, она взята из чьего-то жизненного опыта или из личных воспоминаний (как «реплика в сторону»): «... ну раньше она шилась, теперь покупаеца» (об одежде для ребёнка на крещение. — Т.С.). Описание праздничного стола коррелирует с устным нарративом Л.Л. Гайчук и семантически сближает с концовками устных народных сказок: «Все едут за праздничный стол, ну и гуляют, пьют, у кого сколько хватает сил».

Исследование имеющегося в нашем распоряжении эмпирического материала позволило сделать вывод о том, что между информантами и реципиентами пространство общения варьировалось от интимного (общение с близкими родственниками), личного (общение со знакомыми, соседями, др.) до социального (общение с чужими людьми). Согласно классификации Э. Холла реципиенты не задействовали публичное пространство общения.

Заключение. Таким образом, в пространстве общения нарратора устных женских рассказов и реципиента Брестчины наиболее востребованной и эффективной является диалоговая (О.С. Иссерс) или диалогическая (Е.Н. Рогов) стратегия, построенная на равноправных (без отсылки к социальному статусу, образованию, культуре, авторитетному мнению других, гендеру, пр.) отношениях собеседников, создании комфортной, доверительной психологической атмосферы и др.

Коммуникативные стратегии достигают цели при умелом владении тактиками речевого общения, что определяют, в том числе и «коммуникативные сигналы, средства диалогической регуляции» [3]. Анализ эмпирического материала показал, что в речевом пространстве «нарратор–реципиент» активно были задействованы такие средства диалогической регуляции, как вводные слова, междометия, вопросы, переспросы, слова-предложения «да» и «нет», лаконичные комментарии, «реплики в сторону», оценочные суждения, т.е. то, что позволяет получить адресату максимум информации, продемонстрировать свою заинтересованность в диалоге и регулировать общение, направить его в нужное для адресата русло.

Литература

1. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. — М.: ЛКИ, 2008. — С. 284.
2. Рогов, Е.И. Психология общения: учебник / Е.И. Рогов. — М.: КНОРУС, 2018. — С. 12.
3. Романов, А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения: автореф. дис... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Романов Алексей Аркадьевич; АН СССР. Ин-т языкознания. — М., 1990. — 37 с.

Поступила в редакцию 17.10.2025